

Шкапров Г.А.,

студент

1 курс, Институт права

Челябинский государственный университет

Россия, г. Челябинск

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ОШИБКЕ В ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО

***Аннотация:** в настоящей статье рассматриваются проблемные вопросы квалификационной деятельности при ошибке в личности потерпевшего. Целью статьи является установление специального правового статуса, его влияние на процесс квалификации. Используя метод анализа, синтеза, сравнительного правоведения, топологизации, автор выявляет особенности ошибок в личности потерпевшего и их квалификации. Результатом исследования является совокупность выводов относительно вопросов квалификации ошибок в личности потерпевшего.*

***Ключевые слова:** ошибка в личности, квалификация, коллизия, правоприменение, судебная практика.*

***Abstract:** this article examines the problematic issues of qualification when there is an error in the identity of the victim. The aim of the article is to establish such peculiarities of qualification of victims as their special legal status, their personal characteristics, and their impact on the qualification process. Using the method of analysis, synthesis, comparative jurisprudence, topologisation the author analyses and reveals the peculiarities of mistakes in the personality of the victim and their qualification. The result of the study is a set of conclusions regarding the issues of qualification of mistakes in the personality of the victim.*

Key words: mistake of identity, qualification, conflict, enforcement, jurisprudence.

В теории уголовного права ошибка определяется как заблуждение лица в юридических или фактических свойствах совершенного деяния, его последствиях.¹ В свою очередь, ошибки делятся на фактические и юридические: первая группа ошибок представляют собой заблуждение лица в преступности или неприступности деяния, в его квалификации и (или) мерах принудительного воздействия в связи с содеянным, тогда как вторая группа охватывает собой ряд ситуаций, при которых существует неадекватное представление лица о фактических обстоятельствах и (или) последствиях своего деяния.² Таким образом, существование такого явления, как юридическая ошибка, является существенной квалификационной проблемой в отечественной уголовно – правовой практике.

Важно отметить, что ошибка в личности потерпевшего подразделяется на простую и сложную. В рамках простой ошибки осуществляется посягательство на жизнь и здоровье лица, однако в результате действий субъекта преступления последствие действует в отношении лица, посягательство на которое не охватывалось преступным умыслом. Однако в данном случае, с точки зрения уголовно – правовой науки, изначальный потерпевший и фактически пострадавшее от посягательства лицо не различаются как в плане охраны их прав и свобод, так и в количестве специфических квалификационных признаков, в связи с чем квалификация при такой ошибке будет осуществляться так, как при отсутствии таковой. Например, лицо желает причинить смерть своему обидчику, однако в результате ошибки причиняет ее другому лицу. В свою очередь, при сложной ошибке лицо, которому причиняется вред, обладает совокупностью

¹ Сверчков, В.В. Уголовное право: учебник для среднего профессионального образования / В.В. Сверчков. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 707 с.

² Там же.

специальных признаков, при которых его уголовно – правовая защита повышена посредством формулирования квалифицированных составов преступления, тогда как умыслом субъекта не охватывается наличие таковых. Так, лицо имеет умысел на причинение смерти женщине, находящейся в состоянии беременности, однако в действительности оказывается, что такое состояние отсутствует. В данном случае происходит квалификационная коллизия при наличии сложной ошибки в личности потерпевшего. Л.Э. Спиридонова так оценивает сущность простых и сложных ошибок в личности потерпевшего: «Простая ошибка в личности при совершении преступлений против жизни не повлияет на квалификацию содеянного в соответствии с направленностью умысла лица. Сложная ошибка в личности может как оказывать влияние на квалификацию содеянного, так и не оказывать такого влияния».³

Главным основанием квалификации в данном случае является направленность умысла и содержание субъективной стороны лица в целом. В практике Верховного Суда Российской Федерации отсутствуют разъяснения относительно отдельных вопросов квалификации деяний с фактической ошибкой в составе преступления. Исходя из этого, принцип «деяние-умысел-квалификация» толкуется по-разному. Так, некоторые исследователи считают наиболее правильным вариант квалификации деяния, последствием которого явилась смерть потерпевшего, как покушение на совершение преступления, предусмотренного специальным составом и, по совокупности, причинение смерти по неосторожности.⁴ Другие предполагают в аналогичных условиях вариант квалификации только по специальной норме с усечённым составом преступления.⁵

³ Спиридонова, Л.Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.Э. Спиридонова. Москва: [б.и.], 2013. 34 с.

⁴ Зайцева, А.Ю. Юридическая и фактическая ошибки и их значение для квалификации преступления. / А.Ю. Зайцева // Образование и право. №9. С. 142-148.

⁵ Черненко, Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография / Т.Г. Черненко. Москва: Проспект, 2020. С.96.

Складывающаяся судебная практика формирует следующие тенденции: так, Верховный Суд Российской Федерации указывает ошибочной квалификацию совокупности деяний в виде убийства и покушения на убийство ошибочно беременной женщины, которая фактически не находится в состоянии беременности. Так, указывается, что умысел Г. на лишение жизни Б. был полностью реализован и в результате действий виновного наступила смерть потерпевшей, которая в состоянии беременности не находилась, квалификация действий Г. как покушение на убийство является излишней.⁶

Так, стоит отметить, что толкование положений части 1 статьи 29 УК РФ не позволяет производить квалификацию исходя из направленности умысла, поскольку критерием признания деяния преступлением является наличие всех признаков состава преступления, а оконченным преступлением является то, в котором содержатся все признаки его состава. В данном случае наблюдается коллизия в квалификационной практике: причинение смерти лицу содержит признаки преступления, предусмотренного общей нормой и специальными составами; реализация объективной стороны преступления при ошибке в личности потерпевшего, которому причиняется смерть, согласно юридической доктрине, необходимо квалифицировать как оконченное покушение на реализацию объективной стороны специального состава преступления. Так, свойства личности потерпевшего, как составообразующий признак, например, в составе преступления, предусмотренного статьей 277 УК РФ, позволяет разрешить конкуренцию со статьей 105 УК РФ, потерпевший в котором по ч.1 статьи не обладает специальными признаками. В указанной ситуации законодатель декларирует различный правовой статус лица посредством помещения состава преступления в разных главах УК РФ, то есть фактически рассматривает в общем составе потерпевшего как классическое физическое лицо в понимании уголовно – правовой науки, тогда как в

⁶ Постановление Президиума Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2008 г. по делу № 420-П07 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

специальном составе – как носителя специфических правовых статусов и полномочий, в совокупности образующих понятие «государственного или общественного деятеля».

Так, Ульяновским областным судом Ульяновской области осужден Г. за совершение преступлений, предусмотренных статьями 105 и 209 УК РФ; так, лицом, действующим в составе организованной группы лиц, по найму реализовывался умысел на причинение смерти Г., однако в результате фактической ошибки в личности потерпевшего преступная цель не была достигнута, а иному лицу, ошибочно принятому за потерпевшего, был причинен вред здоровью, однако в результате своевременно оказанной медицинской помощи лицо выжило. Суд квалифицировал действия следующим образом: «По эпизоду имевшей место попытки лишения жизни, в результате которой были причинены телесные повреждения А, по части 3 статьи 33, части 3 статьи 30, пунктам «ж», «з» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации как организация покушения на убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, совершённого организованной группой, сопряженного с бандитизмом».⁷ В данном случае суд пошел по пути сужения квалификации: конкуренция разрешена посредством признания наличия в действиях Г. состава покушения на причинение смерти и оконченого создания устойчивой вооруженной группы; вопрос фактически причиненных телесных повреждений ошибочно принятому за потерпевшего лицу судом оставлен без внимания, то есть квалификация осуществлена только в пределах умысла на причинение смерти и покушения на таковое.

Более коллизийная ситуация складывается при квалификации деяния, в котором осуществляется реализация умысла на причинение смерти лицу, не наделенному специальными полномочиями, и не в связи с его специфической

⁷ Приговор Ульяновского областного суда Ульяновской области 28 ноября 2019 г. по делу № 2-5/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

деятельностью, однако фактически причиняется смерть иному лицу в связи с заблуждением относительно личности потерпевшего. Исходя из теоретических положений, необходима квалификация как оконченное покушение на умышленное причинение смерти, однако уголовно-правовое последствие уже наступило, т.е. признаки состава преступления в наличии, однако преступление квалифицируется ошибочно как покушение, пусть и оконченное. Если происходит обратная ситуация, при которой в ходе реализации умысла на причинение смерти «простому» лицу, фактически наступает смерть государственного или общественного деятеля, то, исходя из направленности умысла необходима квалификация по общей норме, поскольку ошибка в личности не влияет на квалификацию, однако это не совсем верно с позиций принципа справедливыми, поскольку социальные характеристики потерпевшего с точки зрения его государственной и общественной деятельности очевидно выше, чем таковая у простого потерпевшего. То есть получается, что в целях разрешения конкуренции указанных норм декларируется учет специальных характеристик и личности потерпевшего? В таком случае, появляется новая коллизия: при простой ошибке в личности потерпевшего, когда причиняется смерть «простому» потерпевшему вместо другого «простого». В данном случае, по общему правилу, данная ошибка не влияет на квалификацию, однако очевидно, что социальная и общественная ценность двух потерпевших разная, тогда как квалификационная практика отражает их аналогичный правовой статус; аналогично отсутствует в практике вопрос квалификации причинения смерти, например, одной беременной женщине вместо другой. Так, например, УК РФ закрепляет в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, нахождение женщины в состоянии беременности, однако данный правовой признак не содержит степеней сравнения, как, например, размеры хищений. Так, если лицо реализует умысел на причинение смерти своей жене, беременной одним ребенком, но в результате ошибки в личности причиняет смерть иной

женщине, беременной тремя детьми – практика считает данную ситуацию простой ошибкой в персоналии потерпевшего и не влечет изменений в квалификации, однако разница последствий в данном случае очевидно. То есть необходимо учитывать характеристики, связанные с реализацией профессиональной деятельности потерпевшего, а социальные и персональные характеристики учету не подлежат? Данная точка зрения также представляется не совсем верной.

Данный вывод подтверждается судебной практикой: Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации указывается, что причинение смерти по ошибке водителю потерпевшего, который в процессе реализации объективной стороны был принят за самого потерпевшего, не влияет на квалификацию. В данном случае, осуществление профессиональной деятельности потерпевшего в виде предоставления транспортных услуг, не оказывает влияния на квалификацию, поскольку изначальный умысел также был направлен на причинение смерти лицу, не обладающего специальным статусом.⁸

Так, по нашему мнению, возможно указать варианты квалификационной практики, в рамках которой необходим учет конкретного потерпевшего.

Так, п. «е.1» ч.2 статьи 105 УК РФ закрепляет ответственность за убийство по мотиву кровной мести. Квалифицированный состав вносит в перечень элементов по сравнению с основным составом только специального субъекта и мотив. Однако важно понимать, что деяние, предусмотренное данной статьей, совершается в отношении определенного потерпевшего, которому, по мнению субъекта преступления, должна быть причинена смерть, и никакое иное лицо не может быть убито вместо него. Данный вывод подтверждается судебной практикой: Магомедов, считая потерпевшего виновным в смерти его родственника, причинил смерть потерпевшему по

⁸ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2012 г. по делу № 2-35/11 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

мотиву кровной мести и предпринял меры к сокрытию трупа потерпевшего.⁹ Так, если лицо, реализуя умысел на причинение смерти по мотиву кровной мести, ошибается в личности виновного, причиняя смерть не относящемуся к кровной мести лицу, то происходит коллизия: так, причинено последствие в виде смерти, однако умысел виновного был направлен на совершение более тяжкого посягательства на личность, тогда как квалификация его действий составит либо оконченное покушение на причинение смерти по мотиву кровной мести, либо на причинение смерти по неосторожности. Более того, если предположить ситуацию, когда судья выносит приговор в виде смертной казни подсудимому, в связи с чем его родственники формируют умысел на причинение смерти судье по мотиву кровной мести, то происходит посягательство также на общественные отношения, связанные с посягательством на правосудие, в связи с чем квалификация становится еще более неоднозначной.

Аналогичная ситуация происходит, когда женщина в условиях психотравмирующей ситуации реализует умысел на причинение смерти новорожденному ребенку, однако в результате ошибки в личности ребенка причиняет смерть не своему ребенку, а, например, ребенку старше 28 дней от рождения. В данном случае конкуренция составов, предусмотренных статьями 106 и п. «в» ч. 2 статьи 105 УК РФ осложняется ошибкой в личности. Так, умысел был направлен на причинение смерти конкретному новорожденному, в связи с рождением которого и возникает психотравмирующая ситуация, однако последствие в виде смерти наступает в отношении иного ребенка, не обязательно новорожденного, помимо прочего, в отношении которого у субъекта нет статуса специального, а также на которого не распространяются признаки потерпевшего, предусмотренные статьей 106 УК РФ. Таким образом, квалификация деяния как оконченного покушения на убийство

⁹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2011 г. по делу № 2-5/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

матерью новорожденного ребенка, либо на оконченное убийство малолетнего лица неоднозначна.

Таким образом, на основании всего вышесказанного, можно сделать вывод, что квалификация ошибок в личности потерпевшего при совершении преступления представляется актуальным вопросом в рамках уголовно – правовой доктрины. Неоднородность правоприменительной практики по данному вопросу, отсутствие разъясняющих постановлений высшей судебной инстанции обусловили расхождение результатов квалификационной деятельности в данной области; существующий плюрализм мнений в научной литературе по вопросу разрешения конкуренций специальных и общего составов при квалификации ошибки в личности обуславливает различные подходы к реализации данных норм на практике.

Библиографический список:

1. Сверчков, В.В. Уголовное право: учебник для среднего профессионального образования / В.В. Сверчков. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 707 с. – Текст: непосредственный.
2. Спиридонова, Л.Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.Э. Спиридонова. – Москва: [б.и.], 2013. – 34 с. – Текст: непосредственный.
3. Зайцева, А.Ю. Юридическая и фактическая ошибки и их значение для квалификации преступления. / А.Ю. Зайцева // Образование и право. – №9. – С. 142-148. – Текст: непосредственный.
4. Черненко, Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография / Т.Г. Черненко. – 3-е издание. – Москва: Проспект, 2020. – 206 с. – Текст: непосредственный.

5. Постановление Президиума Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2008 г. по делу № 420-П07 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Приговор Ульяновского областного суда Ульяновской области от 28 ноября 2019 г. по делу № 2-5/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).
7. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2012 г. по делу № 2-35/11 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).
8. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2011 г. по делу № 2-5/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).